

© 2004 г. Б.Н. ФЛОРЯ

У ИСТОКОВ ПОЛЬСКО-УКРАИНСКОГО КОНФЛИКТА

Когда мы сталкиваемся в появлении текстов, в которых обнаруживается сознание глубокого антагонизма между двумя народами, источник зарождения таких представлений закономерно искать там, где представители двух народов долгое время живут вместе друг с другом и в таких условиях, когда представители одного народа находились по отношению к другому в подчиненном, неравноправном положении. Такое положение сложилось в городах Русского воеводства и прежде всего в самом крупном из них – Львове. Здесь православные “русины” в составе населения города сталкивались с целым рядом ограничений и запретов, как раз и ставивших их в подчиненное и неравноправное положение. Так, в самом Львове “русины” могли приобретать дома и жить только в строго определенных границах, в районе так называемой Русской улицы, в других частях города жить им не разрешалось. Для “русинов” была закрыта возможность входить в состав городского совета и занимать городские должности. С рядом ограничений сталкивались “русины” и в своей торгово-ремесленной деятельности. В одни цехи “русинов” не принимали, в других они не могли стать мастерами и занять должности “старших”, закрыты были для них и некоторые виды торговой деятельности [1. С. 96–100]. Как неоднократно отмечали сами “русины”, их положение во Львове было менее благоприятным, чем положение армян и евреев, имевших свои органы самоуправления и свой суд, в то время как на “русинов” распространялась юрисдикция органов самоуправления, созданных польско-немецким населением Львова без их участия [2. С. 101].

В таких условиях социальное противостояние между ремесленниками и мелкими торговцами-“русинами” и городской верхушкой из узкого круга немецко-польских патрицианских родов принимало характер этнического противостояния. Оно ощущалось “русинами” особо остро, потому что они с основанием смотрели на самих себя, как на местное, “коренное” население, которое не имеет прав, которыми обладают пришельцы – немцы и поляки. В 1599 г. портные-русины, протестуя против действий верхушки цеха портных, обвинили противников в том, что они “до нас, русі, прийшовши, з нами, руссю, в Русі

не хочут жити згідно з давніми правами” [2. С. 104]. В проекте обращенной к королю речи, врученной послам “русинов” на сейм в начале 1609 г. (“Лямент альбо мова до короля его милости”) говорилось, что “народ польский” угнетает “русинов” “ярмом над египетскую неволю ... заборонивши нам пожитков и ремесел, обходов вшеляких, чим би только чоловік жив бити могл, того неволен руси на приржоной землі своей руськой уживати, в том-то руськом Львові” [2. С. 102]. Приведенные высказывания ясно показывают и остроту ощущения антагонизма, и осмысление его в среде “русинов” как противостояния двух разных народов.

Отказывая в предоставлении “русинам” полноправного городского гражданства, власти Львова апеллировали к сложившемуся в первой половине XV в. на украинских землях в составе Польского королевства представлению, что самоуправление на магдебургском праве может быть предоставлено только католикам. “Русинам” отказывали в праве на городское гражданство потому, что они “схизматики” [1. S. 100]. В таких условиях противостояние украинских ремесленников и торговцев и польского патрициата приняло также форму религиозного противостояния. Этому способствовало то обстоятельство, что формой организации львовских мещан-“русинов” стало “братство”, коллективно опекавшее православный храм Успения на Русской улице (об образовании Львовского братства см.: [2. С. 24–36]).

Борьба за уравнивание в правах православной и католической церковью стала частью борьбы “русинов” за гражданское равноправие. В соответствии с этим, когда накануне заключения Брестской унии православных мещан – противников унии стали подвергать преследованиям, они восприняли это как продолжение прежней деятельности городских магистратов-поляков, направленной против “русского” народа. Написанное в то время обращение Львовского братства с просьбой о помощи “ко князем и паном и всем православным христианом грецкие веры, народу нашему русскому” открывалось словами “завест давная отновилась в народе польском ту во Львове напротивко народу нашему рускому” [3]. Эти слова, как представляется, могут служить объяснением того, почему события, связанные с заключением Брестской унии, побудили членов братства попытаться осмыслить историю прошлых отношений “русского” и “польского” народов. Такая попытка была предпринята на страницах полемического произведения, написанного одним из членов Львовского братства в начале XVII в.¹ Это сочинение – “Пересторога” (предостережение) имело своей целью информировать православного читателя о событиях, предшествовавших заключению Брестской унии, раскрыть истинные мотивы действий епископов – инициаторов унии и тем разоблачить перед читателем и этих епископов, и их нечестные методы борьбы с православными. Рассказ о событиях, предшествовавших этому событию, снабжен в “Перестороге” своего рода историческим введением, которое и позволяет судить о том, как в среде, связан-

¹ Изложение событий доведено в этом памятнике до 1600 г. Упоминание в нем о смерти протосинкелла Никифора, скончавшегося в 1605 г. [4. С. 46] позволяет датировать время написания памятника первым десятилетием XVII в. Все исследователи признают связь этого произведения с Львовским братством. Его наиболее вероятным автором был участник православного собора в Бресте 1596 г., тесно связанный с братством священник Андрей, в последние годы жизни “наместник львовский”, скончавшийся между 1609 и 1612 гг. [5. С. 45–57].

ной с Львовским братством, представляли себе отношения “польского” и “русского” народов в их историческом прошлом.

Историческое введение открывается характерным замечанием, что на Руси приняли христианскую веру из Византии раньше, “ніжли ляхове з Німець римськую” [4. С. 26]. После принятия христианства князья построили храмы, украсили их “злотом, перлами и дорогим камінням”, “книг великое множество языком словенским нанесли”, но не построили школ. Все это привело к тому, что люди, не приобщенные по-настоящему к ценностям христианского мировоззрения, разделили между собой государство и стали вести междоусобные войны, обращаясь за помощью к соседям – полякам, венграм и литовцам, которые воспользовались этим, чтобы овладеть русскими землями. Уже здесь выступает такая характерная черта этих соседей, как коварство [4. С. 26, 27].

Захватив русские земли, поляки разграбили находившиеся здесь православные храмы, забрав из них золото, серебро, драгоценности. Все это не выходит за рамки обычной характеристики завоевателей, однако автор “Перестороги” специально обращает внимание читателя на то, что кроме того завоеватели забрали из храмов и книги. По его словам, много таких книг собрано в костелах в Кракове, а также в доминиканском монастыре во Львове. При этом автор подчеркивает, что эти книги “замкнени” в “великих склепах”, откуда их “на світ не випустять” [4. С. 27]. Сам способ хранения этих книг ясно показывает, что в отличие от серебра и золота книги, захваченные “по збуренню и осягненню панства руського”, не представляли интереса для завоевателей. Очевидно, они забрали книги и стали хранить их в недоступных местах для того, чтобы “русский народ” и далее находился в темноте и невежестве.

Такие высказывания следует признать тем более показательными, что их появление явно не было результатом наблюдений над соответствующими реальными фактами. Единственное, что могло бы дать основание для подобных утверждений, это арест по приказу церковных властей в Кракове в 90-х годах XV в. славянских книг богослужебного содержания, отпечатанных в типографии Ш. Феоля. Однако важно, что этот единственный уникальный в своем роде факт в той среде, к которой принадлежал автор “Перестороги”, не только запомнился, но и был перемещен в более раннее время, получив расширительное значение, и стал восприниматься как выражение определенной политики.

Важно, что аналогичные утверждения обнаруживаются в тексте найденных И.З. Мыцко схолий на полях рукописи “Бесед Иоанна Златоуста на послание апостола Павла коринфянам” из библиотеки Креховского монастыря. В одной из этих схолий говорится, что поляки забрали из православных храмов “книги, що были учителей великих по грецку и по руску писаные на обличение нечестіа их” и закрыли их в “склепе” “у Крыжи святого за Сандомиром” [6. С. 110]. Ни текстуально, ни по содержанию текст явно не связан с “Пересторогой”, представляя самостоятельную письменную фиксацию общего сюжета.

Очевидно, что в среде, связанной с Львовским братством, общепринятым было убеждение, что при завоевании “русских” земель поляки целенаправленно стремились лишить восточных славян их православного наследия. Какую цель преследовали такие действия поляков, выясняется из последующего текста “Перестороги”, в котором рассказывается, как и при каких обстоятельствах “русская” православная знать изменила вере своих отцов. Причиной перемен стали поляки, выдавшие за “русинов” своих дочерей, которые знакомили мужей со своим “обычаем” и “науками”. Знатные “русины” “не маючи своїх

наук, у науки римській свої діти давати почали”, после чего эти дети оставили веру отцов, перейдя в католицизм [4. С. 27]. При таком расположении текста читателю “Перестороги” становилось ясно, что данный результат был заранее подготовлен “поляками”, лишившими ранее русское общество доступа к православным “наукам”. Поведение завоевателей оказывается и глубоко продуманным, и особенно коварным. Лишив русский народ своей государственно-сти, они затем лишили его и этнической социальной верхушки. Интересную вариацию к этой части исторических построений автора “Перестороги” составляют рассуждения в послании, отправленном Львовским братством в 1609 г. в г. Новый Константинов. В нем также развивается тема коварства, с которым “ляхи” сумели побудить православную знать изменить вере отцов, хотя их конкретные действия описываются по-иному. Ляхи привлекли “князей и панов” разными “лагодностями (łagodność – мягкость, ласковость) до едности с собою”. Особенно опасным по своим последствиям оказалось заключение Люблинской унии 1569 г., когда “засадил сенаторов русских в совете коронном, надавали им привилеюв”. Затем последовало заключение брачных связей с уже известными последствиями. “Чего не могли учинить силою, то учинили едністю таковою”, – заключал автор послания свой рассказ об отступничестве православной знати [7. С. 331].

Этот вопрос беспокоил и еще одного современника, автора найденных О.А. Фотинским схолий на полях Острожской библии, относящихся к первым десятилетиям XVII в. И он видел главное зло в установлении брачных связей. “Скоро едно, – писал он, – бедный русин ляховицу возмет, то, зараз до Риму от верных отступивши, згинет”, но большое значение он приписывал и усилиям иезуитов, которые “обещали мать, дщер сионьскую, от сынов ея, княжат и панят руского народу, своим злохитрством” [8. С. 78]. Очевидно, что вопрос о том, как и почему православная знать изменила вере своих отцов, оживленно обсуждался в среде православного львовского мещанства, предлагались разные ответы, но общим для них было представление о том, что подобная измена – большое несчастье для “русского народа” и что это результат коварных действий “ляхов”.

Так как люди благородного происхождения “до врядов духовных приходили перестали”, то “православіє гречеське озимніло”, упадок “наук” продолжался, и “книги тіі, що еще їх позостало, порохом припали”. Это состояние упадка было прервано благодаря вмешательству кн. Константина Острожского, воспитанного в православии “з предков своих также княжат кийвських”, который призвал из Константинополя “дидаскалов ку розмноженью наук вірі православної”, строил школы, основал в Остроге академию, где преподавались “науки словенські і грецькі”, и типографию [4. С. 27–28]. Характеристика деятельности Острожского в “Перестороге” не отличается от написанного в сочинениях других православных писателей (автор “Перестороги”, пожалуй, лишь сильнее подчеркивает роль константинопольского патриарха в начинаниях князя), но в сопоставлении с нарисованной в этом сочинении картиной прошлого выступление Острожского должно было восприниматься как акт, направленный против политики “ляхов”, приведшей к религиозно-нравственному упадку “русского народа” в Речи Посполитой.

Затем внимание автора “Перестороги” сосредотачивается на предистории Брестской унии и событиях, последовавших за ней и приведших к религиозному расколу “русского народа” в Речи Посполитой. Мотив противопо-

тавления “поляков” и “русинов” в этой основной части повествования не является главной темой. Однако появление в тексте “Перестороги” такого изображения прошлого никак нельзя считать случайным, так как и в основной части повествования ее автор дважды возвращался к этому сюжету.

Первый раз он сделал это в речи, вложенной им в уста представителя Львовского братства, который на сейме 1598 г. выступил против оправдания униатами своих действий. В самом начале этой речи снова помещена характеристика того состояния общества, в которое оно было приведено действиями “злых соседей”: “справу всю церковную розорвано и зневолено і [люди] даными обтяжено, а великих панов науками и способами розмаїтими от церкви виведено, и все посольство до знищення приведено и убозство намножилося” [4. С. 49]. Здесь характеристика положения дана еще более острая, чем во вводной части: результат деятельности “злых соседей” (а конкретно: поляков) — это не только утрата социальной верхушки, упадок веры и нравов, но и просто обнищание “посольства”, разоренного тяжелыми налогами.

Еще раз автор возвращается к этой теме в конце повествования о борьбе православных и униатов, и здесь значение введения в общем замысле повествования становится ясным. Прошлые “Руси” выступают как история направленных против нее происков дьявола. Дьявол “изперва межи Руссю забигав, аби православие не коренилося ... наук размножити не допущав”, а затем остатки русской знати “у віру римську привів”. “А нинішнього часу” тот же дьявол воюет против православных “проклятою униєю” [4. С. 66]. Теперь становится ясным, что действия униатов являются продолжением направленных против “русского народа” действий “злых соседей” и что тех и других побуждает к действиям дьявол. Во всем этом построении отсутствует последнее, заключительное, звено: униаты прямо не названы орудием в руках “злых соседей”, направленным против “русского народа”, но все необходимое для такого вывода в тексте “Перестороги” уже содержалось. Характерно, что последней, заключительной характеристике прошлого предшествовала констатация, что в Речи Посполитой православный не может рассчитывать ни получить духовный или светский “уряд”, ни выиграть судебный процесс, ни заключить выгодный брак.

В тексте “Перестороги” тщетно искать какие-либо практические рекомендации, как следует строить отношения с “поляками” в свете приобретенного исторического опыта. Сочинение заканчивается призывом сохранять верность православию, вдохновляясь примером Виленского братства, которое “превратити не могут от православія ні огонь, ні меч” [4. С. 66]. Одну из причин такой сдержанности следует видеть в том, что “Пересторога”, как следует из ее заголовка, предназначалась для широкого распространения среди приверженцев “восточной церкви”. Гораздо свободнее чувствовали себя люди, делавшие для себя, для собственного пользования заметки на полях принадлежавших им книг. Именно среди этих заметок некоторые такие рекомендации и обнаруживаются.

Речь должна идти прежде всего о схолиях на экземпляре Острожской библии. По общему мнению исследователей, автор схолий был высокообразованным светским человеком. Еще более важно, что в них обнаруживается ряд текстуальных совпадений с “Пересторогой”, а это говорит о том, что автор схолий принадлежал к той же общественной среде, что и автор полемического трактата [9. С. 176].

Среди его заметок особенно привлекают внимание комментарии к ветхозаветным текстам, в которых жители древней Иудеи порицались за брачные связи с представителями других народов. Размышляя над этими текстами, автор схолий записал: “Так бы ся годило руси с ляхами быти, не припущати до себе в приятельство, а не в службы брати, а не девок своих им замуж давати, а ни теж собе в них за жоны брати” [8. С. 81]. Если автор “Перестороги” порицал только брачные связи польской и русской знати, то автор схолий выступал по-существу за полный разрыв контактов между представителями двух народов: ни дружеских, ни служебных, ни семейных связей. Мотивы, побуждавшие автора схолий занять такую позицию, выясняются из другой его заметки, где, комментируя ветхозаветный текст, он записал: “То же ныне чинят вторые моавитянки сыном руским – ляховки”. За такое смешение с людьми иной веры Бог покарал Русь так же, как некогда евреев. Он “выдал их тым же ляхом в неволю, що и землю их посели и их за невольники мают, же и веру их в них кгвалтят” [8. С. 82]. Таким образом, в целом отношения двух народов наш автор характеризует, как отношения острого антагонизма, когда один народ находится в “неволе” у другого. Здесь уже без каких-либо недоговорок принуждение “Руси” к смене веры не только рассматривается как результат деятельности “ляхов”, но и само это принуждение оценивается как одно из проявлений того угнетения, которому подвергается с их стороны “Русь”. Разумеется, налицо существенные различия между взглядами авторов “Перестороги” и схолий, но вместе с тем очевидно, что автор схолий делает лишь последовательные выводы из тех посылок, которые содержатся в тексте полемиического трактата.

В “Перестороге” при многочисленных выпадах против “ляхов” нельзя найти отрицательных высказываний о государстве и монархе или верховном органе власти – сейме. Все упоминания такого рода нейтральны или, по крайней мере, сдержанны. Вместе с тем автор настойчиво говорит о мирных способах борьбы, к которым прибегают, добиваясь своих целей, Львовское братство, Константин Острожский, православная шляхта, противопоставляя действия православных актов насилия со стороны униатов. Ту же картину видим и в послании, направленном братством в 1609 г. мещанам Нового Константинова, в котором их призывали, описав сложившееся положение, “зараз на войну выбиратис и у зброю ся духовную дуже прибирати”, так как “не есть наша бран ко плоти, крови” [7. С. 308]. Это, однако, связано, как представляется, прежде всего с предназначением этих текстов для публичного чтения.

Изучение схолий к Острожской библии дает существенно иную картину. Здесь мы находим очень резкие высказывания о лицах, стоящих во главе Польско-Литовского государства, как людях, нарушивших свои обязательства по отношению к православным: король “того не сдержал и его сенаторове. Горе им, яко лгарем и проклятству своему подпадающим” [8. С. 98]. Сам король для автора схолий – орудие в руках папы: “повелевает ныне папеж, брат Навходоносоров з Вавилону крулеви ... полскому и всем, ищо под ним суть” [8. С. 72]. Но может быть наиболее важно, что автор схолий видит выход из сложившейся ситуации в вооруженной расправе с противниками. Так, рассказ I книги Царств о казни пророком Самуилом царя Амалекитян Агага он сопровождал словами: “и ныне бы годно то учинити вызуитом и владыком отступником”, а к рассказу IV книги Царств о истреблении Ииуем потомков царя Ахава он присоединил пожелание, чтобы и в Польше появился подобный прави-

тель, “жебы выглядил потомство Жикгимонтово все, которые веру кгвалтит, также и вызуитов, порадников его на тое злое” [8. С. 78, 99].

Разумеется, было бы неосторожно утверждать, что сложившееся представление о взаимоотношениях двух народов разделялось сколько-нибудь широким кругом “русинов” за пределами Львовского братства. Православная шляхта, объединявшаяся вокруг Константина Острожского, недовольная религиозной политикой правительства, явно не смотрела таким образом на прошлое и не относилась ни к государственной власти, ни тем более к польской шляхте, как к враждебным силам, с которыми следует вести бескомпромиссную борьбу. Вероятно, не могла бы столь бескомпромиссно враждебная позиция найти полную поддержку и понимание у украинского мещанства других, менее значительных городов Украины, где положение “русинов” было гораздо более благоприятным, чем во Львове. Кроме того, и само Львовское братство, даже если и воспринимало с пониманием советы автора schoлий к Острожской библии, никак не могло им следовать, находясь в большом многоэтничном городе и не имея каких-либо других средств защиты, кроме обращений за поддержкой к православной шляхте или сейму. Положение, однако, изменилось бы, если бы очерченный выше круг представлений стал достоянием иной общественной среды, привыкшей носить оружие и с его помощью отстаивать свои права. В этой связи нельзя не обратить внимание на давно известные исследователям факты миграции во втором десятилетии XVII в. деятелей, связанных с Львовским братством, на восток, в Киев под защиту Запорожского Войска. С этой миграцией связывают превращение Киева в главный центр культурной и религиозной жизни украинского общества. Как представляется, сумма фактов, изложенных выше, дает все основания ставить вопрос, не сопровождалась ли эта миграция переносом выработанных в среде православно-мещанства Львова взглядов на отношения между “польским” и “русским” народами в ту новую общественную среду на востоке Украины, где теперь должна была разворачиваться их деятельность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Chodyncki K. Kościół prawosławny a Rzeczpospolita polska. Zarys historyczny. 1370–1632. Warszawa, 1934.
2. Ісаєвич Я.Д. Братства та їх роль в розвитку української культури XVI-XVII ст. Київ, 1966.
3. Monumenta confraternitatis stauropigianae Leopoliensis. Leopoli, 1898. Т. I. Р. 2. NCCC XLIV.
4. Українська література XVII ст. Київ, 1974.
5. Яременко П.К. Пересторога – український антиуніатський памфлет початку XVII ст. Київ, 1963.
6. Мицько І.З. Ідеологічна боротьба на Україні в XVII ст. і формування та склад бібліотек // Бібліографічна інформація і сучасність. Київ, 1981.
7. Архив Юго-Западной России. Акты, относящиеся к истории Львовского ставропигийного братства. Киев, 1904. Ч. 1. Т. 11.
8. Фотинский О.А. Волынский религиозный вольнодумец XVII в. // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. Киев, 1905. Кн. 18. Вып. 3–4.
9. Апанович Е.М. Полемические записи на полях харьковского экземпляра Острожской Библии // Федоровские чтения. 1981. М., 1985.